

Библиография

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. — Т 8. — Л., 1985. — С. 19.
2. Сеа Л. Философия Американской истории. — М., 1984.

Исаков Алексей Александрович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры теологии и истории культуры
Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского

История социально-политической мысли России первой половины XIX века в «Библиотеке факультета политологии МГУ»

Первая половина XIX столетия была решающим временем для становления национальной государственности многих народов Европы. У одних этот процесс был связан с преодолением раздробленности (Германия, Италия), у других — с борьбой против иноземного владычества (Польша, Чехия, Венгрия, балканские страны), начинались аналогичные процессы в Азии. Судьба их оказалась различной, и даже кровавые восстания и войны далеко не всегда приводили к желанной цели. На этом фоне особняком стоит Российская империя, которая на тот момент уже являлась вполне суверенным и единым государством. Тем не менее, расцвет русской культуры, её «Золотой век» — а это главный показатель зрелости национального самосознания — стал плодом вовсе не череды успехов и побед, а длительного и неоднозначного периода, в котором сочетались реформы и контрреформы, великие победы и тяжёлые поражения, революционный порыв и многолетняя охранительная практика. Наверное, лучшей моделью развития России в это время должна быть признана Бородинская битва, перевернувшая ход войны в пользу русского народа, но и принудившая к оставлению Москвы. Подобными чертами вообще богата история нашей страны в начале отмеченного периода, и очевидно, что причиной этого могла быть только глубокая внутренняя диалектика её развития, проявлявшаяся во всех областях народной и государственной жизни. Противоречий, в которых, с одной стороны, как в силках, а с другой стороны, как в колыбели, протекало развитие русского национального самосознания, было немало. Любой русский человек жил в условиях культуры, болезненно раздвоенной и ведущей трудный внутренний диалог с самой собой. Два явления в наибольшей степени определяли темы этого диалога: крепостное право и европеизация.

Крепостное право, существовавшее на тот момент чуть более двухсот лет и достигшее своих наиболее радикальных форм лишь при Екатерине Великой, тем не менее, было определяющим для российской государственности. Крепостные отношения опосредовали отношение большей части на-

селения к государству, так как представителем власти для неё был в первую очередь помещик. Этот факт сам по себе не подлежит оценке, поскольку иной формы публичной власти, отличной от общинного самоуправления, тогда создать было невозможно. Более того, в петровских преобразованиях из расширительно понимаемых крепостных отношений не исключалось ни одно сословие. Пожизненная служба дворянства, многочисленные повинности и ограничения городских слоёв, конечно, не могут отождествляться с крепостной неволей крестьян, но в значительной мере позволяют сблизить разрыв между сословиями, каждое из которых по-своему, но до конца служит своему государю. Постепенное «освобождение» дворян и городских сословий на протяжении XVIII века сопровождалось усилением крепостного права в отношении крестьянства, и в XIX век страна вступила, имея фундаментом уже не просто противоречие, а настоящий социальный диастаз, на разрушительное действие которого рассчитывал даже Наполеон.

Европеизация, которая при Петре Великом имела характер революции сверху, теперь стала постоянным процессом в жизни русского общества. Дело было даже не в удвоении русской культуры, о котором много писали вслед за Ю. М. Лотманом, а в том, что, раз начатая, европеизация требовала своего логического продолжения. Построив сначала военно-бюрократический вариант абсолютной монархии, этот процесс привёл к её смягчению в «просвещённом» абсолютизме, а вслед за этим подвёл и к проблеме конституционной реформы, актуальной для Европы того времени, но, быть может, преждевременной для России. При этом европейское начало в русской культуре исподволь и уже привычно противопоставлялось с одной стороны, народному началу (в этой антитезе европеизм имел знак минус), а с другой — началу, которое можно было бы назвать деспотическим, восточным, азиатским (и здесь европеизм менял свой знак). Понятно, что это последнее противопоставление не оправдывалось действительностью. Ведь и крепостное право, и абсолютная монархия — вполне европейские явления, не говоря уже о «втором издании» рабства (перефразируя классика). Именно начало века и заставило пересмотреть эту антитезу. Великая французская революция и последовавшие за ней завоевательные войны, связанные с крушением прежних форм абсолютизма и феодальной зависимости, серьёзно поставили вопрос о дальнейших путях европеизации России. Что должно быть в будущем: революция, реформа, или, наоборот, этот процесс не стоит форсировать, приняв имеющиеся социальные и политические формы как подлинно национальные? При этом сам ход событий при надлежащей интерпретации мог указать на любую альтернативу. Однако следует заметить, что Отечественная война 1812 года дала очень серьёзное основание для надежд именно консерваторам. Как известно, русский народ сделал парадоксальный для рационально мыслящего космополита выбор в пользу национального государства, оставив «на потом» возможность немедленного освобождения от крепостного права и бюрократических оков абсолютной монархии. Этот выбор, совершенно не очевидный до 1812 года, когда либерализация каза-

лась правящей элите единственным путём в будущее, теперь придал сил и решимости тем, кто начинал осознавать особенности российской истории и государственного устройства как национальные. Он же свидетельствует об огромной значимости религиозного начала русского народа, поскольку православие оставалось на тот момент основным связующим звеном между «двумя культурами». Поэтому особое внимание к православию со стороны мыслителей той эпохи — явление объективно обусловленное, тема, которую не могло обойти ни одно интеллектуально честное исследование. По сути дела, это было не проявление умонастроения, это было веление исторического опыта, которое слышал всякий, имевший уши.

Общественно-политическая мысль России первой половины XIX века чутко реагировала на внутренне диалектичное (скорее даже антиномичное), развитие страны, нащупывая и, по возможности, разрабатывая альтернативные проекты её будущего. Эта телеономность и подчёркнутая альтернативность общественно-политических учений 1801–1855 годов в очередной раз демонстрирует нам правоту немецкой классики в диалектическом толковании хотя бы и не всего универсума и не всей истории, но, по крайней мере, духа своего времени. Русская общественно-политическая мысль той поры образует своеобразную спираль развития, раскручивавшуюся от мирной дискуссии о путях России через революционный порыв декабристов к новому периоду теоретической дискуссии, всё более и более богатой и обстоятельной, но выведившей к новому витку деятельной борьбы за перемены. При этом мы должны понимать, что никто не вправе рассматривать этот процесс с точки зрения релятивизма. К эпохе, ставшей «Золотым веком» русской культуры (как, впрочем, и к любой другой) не может быть просто применено определение «момента развития» и уж тем более — «антитезиса». Нет, отмечая диалектику эпохи и просматривая будущее направление движения, мы обязаны уметь видеть её самостоятельную и непреходящую ценность, а это значит в том числе — рассматривать противоречия эпохи как источник её уникальности и понимать их неразрешимость в её конкретных хронологических рамках. Иными словами, нужно уметь видеть эти противоречия ещё и как антиномию, так, как если бы истина находилась не в одной из сторон антитезы, а только в ней самой в целом.

Именно в таком динамическом равновесии, на наш взгляд, сумел представить русскую социально-политическую мысль первой половины XIX века коллектив авторов-составителей очередного тома хрестоматии «Русская социально-политическая мысль», выходящей в серии «Библиотека факультета политологии МГУ»¹. Безусловно, это сложная задача и для учёных, и для педагогов. Прежде всего, в силу традиции, которая, сама будучи продолжением исследуемых тенденций, никогда не оставалась в роли незаинтересованной стороны. Не так и много даже сегодня найдется работ, в

¹ Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост. А. А. Ширинянц, Ю. И. Дёмин; подг. текстов: А. М. Репёва, М. К. Ковтуненко, А. И. Волошин; под ред. А. А. Ширинянца. — М., 2011. — 880 с.

которых отчётливо слышен голос всех спорящих сторон. Многолетняя практика предоставлять слово лишь «демократическому» лагерю породила ответную тенденцию. Однако именно форма хрестоматии позволяет преодолеть такое положение дел, поскольку даёт слово самим спорящим сторонам. Вопрос здесь заключается только в том, чтобы разработать адекватную методологию подбора и репрезентации текстов. Вообще, методологическую основу всех вышедших в свет томов хрестоматии¹ следует признать объективной и, что немаловажно, — абсолютно прозрачной. В предисловии к хрестоматии А. А. Ширинянц и И. Ю. Демин тщательно обосновывают принципы «представительства» тех или иных направлений общественно-политической мысли на страницах книги. Это и понятно, ведь хрестоматия обращена в первую очередь к будущим политологам, однако и рядовой читатель от этого только выигрывает. Методологию авторов-составителей следует хотя бы коротко охарактеризовать.

Прежде всего, авторы-составители исходят из признания синкретичного характера русской политической мысли, её неотделимости от «религиозно-философских размышлений, истории, литературы», невыделенности из «контекста общественной, социальной мысли». Этот тезис, что очень важно, справедлив по отношению ко всем течениям русской «социально-политической», как её называют составители, мысли обозначенного периода². С таких позиций перечень текстов, придающих форму политическим идеям и концепциям, становится достаточно широким: здесь официальные доклады и юридические документы с одной стороны, и утопические проекты — с другой, философские исследования и острая на язык публицистика, большой эпистолярный корпус и даже жанр «карманного словаря». И это не говоря об исторических и литературных текстах, даже стихотворных, которые по понятной причине не включены в сборник. Нельзя сказать, что такая ситуация абсолютно уникальна для России, но она, пожалуй, уникальна для того времени. Если в Европе уже полным ходом шло обособление политической науки, хотя и обращавшейся иногда к старым формам (например, утопии), то в России политическая мысль по-прежнему не противопоставляла себя другим формам духовной культуры. Трудно оценить это обстоятельство, поскольку и минусы, и плюсы его весомы. С одной стороны, то, что русская политическая мысль не была вычленена из социальной мысли (в широком значении этого слова) и не имела свойственной европейской мысли степени

¹ См.: Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв. Хрестоматия / Сост. С. В. Перевезенцев, подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. — М., 2011. — 728 с. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И. Ю. Демин, А. А. Ширинянц; подг. текстов: А. В. Мыркова, А. М. Репьева; под ред. А. А. Ширинянца. — М., 2012. — 896 с.

² Развернутое обоснование этот и другие методологические тезисы получили в одной из статей А. А. Ширинянца. См.: Ширинянц А. А. С. П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза. — ПОЛИТЭКС. — 2011. Т. 7. — № 1. — С. 5–8.

рациональности, должно было мешать (и мешало!) объективности анализа. Поэтому часто, как это было у российских радикалов и либералов, она превращалась в проект и прогноз раньше, чем проходила испытание временем. С другой стороны, эта же синкретичность повышала степень ответственности, поскольку формы, в которые облекалась русская политическая мысль, адресовали её не кругу специалистов или профессиональным политикам, а народу, «обществу», церкви, государству и самому государю¹. Особенно велика была ответственность тех, кто стоял у кормила власти, как М. М. Сперанский или С. С. Уваров, или, тем более, пытался к нему встать, как декабристы. Поэтому не стоит удивляться тому, насколько высокой могла быть в тогдашней России мера ответственности за своё видение будущего страны — русская социально-политическая мысль не была просто значительной дискуссией, это была ещё и непрерывная практика, и плоды становящейся русской политической науки немедленно отражались на жизни русского общества.

Второй ключевой момент — это понимание истории политической мысли как «критики идей»². Здесь снова мы встречаем неоднозначный феномен. С одной стороны, «критика идей» уводит нас от власти факта, который, казалось бы, должен лежать в основе научного поиска. Однако на самом деле этот подход уводит не от факта, а от разного рода редукционизма, стремящегося к тотальному сведению политической реальности к социально-экономическим, экономико-географическим и демографическим факторам. Несводимость более высоких уровней развития к низшим — важный диалектический принцип, и ему в полной мере соответствует русская социально-политическая мысль. Любой значимый факт, будь то Бородино или Сенатская площадь, приобретает с этой точки зрения новые смыслы, вступает в новые ценностные отношения, присущие именно политической реальности, но ещё не существующие уровнем ниже. Причем элементарная объективность требует внимательно исследовать возникающие сопряжения, поскольку они могут давать неожиданные результаты на практике. Наверное, лучший пример того, насколько необходима именно «критика идей», а не редукция к базису, даёт политическая идеология декабристов, данная нам, как отмечают во введении А. А. Шириняц и Ю. А. Дёмин, в антиномии «гарантийного деспотизма» и «свободы без гарантий». Очевидно, что это поистине цивилизационное различие нельзя просто списать на социальное происхождение и статус авторов декабристских проектов.

Авторы-составители хрестоматии также не скрывают от читателя «субъективного», «приблизительного» характера своего предмета, объясняя это тем, что историк социально-политической мысли работает не просто с

¹ Данная черта была традиционной для русской социально-политической мысли. См. об этом, напр.: *Перевезенцев С. В.* К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв // Вестник Московского университета. Серия 12. — Политические науки. — 2008. — № 4. — С. 11–22.

² *Шириняц А. А.* С. П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза. — ПОЛИТЭКС. — 2011. Т. 7. — № 1. — С. 6.

идеализированными объектами, а «вторгается» в особое знаково-символическое поле. Здесь хочется только добавить, что это даёт уникальную возможность инклюзивного исследования, при котором историк не противопоставляется своему объекту, а реконструирует его, тем самым оживляя, заново приводя в движение все те смысловые цепочки, которые содержит текст. Это не обязательно герменевтика, это может быть и своего рода гуманитарный «восполняющий рационализм». Отсюда и стремление выбирать для хрестоматии такие тексты, смысловое поле которых наиболее богато, предполагает наибольшее количество комбинаций и возможных выводов. Методика их отбора определяется авторами-составителями тройко: историческая значимость, новизна на фоне соответствующего направления мысли, соответствие нормам, сформировавшимся в политической науке того времени вообще и в отдельных её направлениях — в частности. Это позволило авторам-составителям представить развитие русской социально-политической мысли XIX века наиболее зрелыми, полными, «узловыми» и поворотными текстами, которые как нельзя более соответствуют задаче выявления присущей духу эпохи диалектичности или антиномичности.

Кошемчук Ксения Леонидовна

Студентка кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Русский вопрос» в консервативной публицистике России первой половины XIX века на примере Ю. Ф. Самарина

Аннотация

Работа посвящена выдающемуся русскому мыслителю Ю. Ф. Самарину, который внес значительный вклад в исследование основ русской государственности, а также в разработку национальной идеи.

Ключевые слова: национализм, славянофилы, Самарин, народ, нация, русская идея.

Ю. Ф. Самарин — один из наиболее ярких русских мыслителей XIX века. Он родился в знатной семье, получил хорошее образование, стал активным участником научной, социальной и политической жизни страны. В отличие от многих своих товарищей, он достаточно долгое время провел на государственной службе. Полученный практический опыт, вовлеченность в дела государства, тесное знакомство с проблемами страны впоследствии положительно сказались на духовном, творческом и гражданском становлении публициста. Его тезисы подкреплялись рядом практических предложений, направленных на реформирование государственной системы. Особенно ярко это проявилось в крестьянском вопросе, в разработке которого Самарин принимал непосредственное участие.